

УДК 316.4

UDC 316.4

22.00.00 Социологические науки

Social sciences

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РУССКО-БЕЛОРУССКИХ ОТНОШЕНИЙ

SOCIAL DETERMINANTS OF RUSSIAN-BELARUS RELATIONS

Тужба Эмир Нодариевич
д. соц. н., доцент
РИНЦ SPIN-код= 5856-1501
РИНЦ Author ID= 454985
emirtu@yandex.ru

Tuzhba Emir Nodarievich
Dr.Sci.Soc., Assistant Professor
RSCI SPIN-Code= 5856-1501
Author ID= 454985
emirtu@yandex.ru

Пчегатлук Светлана Калачериевна
к.и.н., доцент кафедры социологии, правоведения
и работы с персоналом
РИНЦ Author ID= 786508
psvetlanak@mail.ru
Кубанский государственный технологический университет

Pchegatluk Svetlana Kalacherievna
Cand . Sci . Hist., Assistant Professor of the Sociology, Jurisprudence and Human Resources Department
Author ID= 786508
psvetlanak@mail.ru
Kuban State University of Technology

Цель статьи состоит в анализе факторов, оказывающих влияние на процесс взаимодействия, характер отношений и повседневность русской и белорусской общностей. Используются идеи системного, интеракционистского, феноменологического и социопсихологического подходов. Эмпирическую базу составили данные анкетного опроса русского населения Краснодарского края; вторичный анализ социологических данных российских и белорусских научных коллективов. Знание факторов и содержания взаимного влияния этнокультурных практик русской и белорусской национальных общностей поможет прогнозировать процессы взаимодействия, содействовать их консолидации и интеграции

The purpose of the article is to analyze the factors affecting the process of interaction, the nature of relationships and everyday life of the Russian and Belarusian communities. Use the ideas of the system, interactionist, phenomenological and socio-psychological approaches. The empirical base totaled questionnaire data of the Russian population of the Krasnodar Region; secondary analysis of sociological data of Russian and Belarusian research teams. Knowledge of the factors and content of the mutual influence of ethno-cultural practices of Russian and Belarusian ethnic communities will help to predict the interactions and facilitate their consolidation and integration

Ключевые слова: КУЛЬТУРНАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ; СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ; МЕНТАЛИТЕТ; ИДЕНТИЧНОСТЬ; ПОВСЕДНЕВНАЯ КУЛЬТУРА; ЦЕННОСТНАЯ СИСТЕМА

Keywords: CULTURAL GLOBALIZATION; SOCIAL WELL-BEING; MENTALITY; IDENTITY; EVERYDAY CULTURE; VALUE SYSTEM

Doi: 10.21515/1990-4665-124-058

Осознание того, что называется диалогом культур, предполагает необходимость различия двух уровней идентичности социально-групповой и глобальной. Социально-групповая идентичность предполагает самоопределение в социальном пространстве, в ходе которого человек определяет круг и то культурное пространство, с которым он себя идентифицирует (национальная идентичность). Глобальная идентичность универсальна и связана с обособлением индивида в качестве личности, индивидуальности.

В этом случае самоопределение человека как свободного существа выражается значительно больше, чем в случае социально-групповой идентичности. Культурная специфика в условиях современной глобализации сохраняется при всех существующих формах взаимодействиях, путем сохранения локальных культур и культурных предпочтений. Рассмотрение культуры в условиях современной глобализации, многообразия форм ее проявления предполагает обращение к обыденности каждодневного существования людей. Обыденную культуру мы будем рассматривать как совокупность процессов и явлений культуры, связанных с повседневной жизнью людей, в нашем случае белорусов и россиян. Современность создает условия для восприятия повседневных практик как ментальных структур, внутри которых разворачиваются конструируемые самим человеком жизненные стратегии. Культура повседневности это отображение материального, ценностного, эмоционального и социального измерения.

Одним из факторов формирования культуры повседневности выступают экономические отношения оказывающие влияние на уклад жизни населения, разнообразие повседневных культурных практик, на уровне которых отражается социальная структура общества.

Постсоветская Россия пошла по пути «шоковых» реформ, которые привели к падению уровня жизни населения, полярному расслоению общества по имущественным и другим признакам, напряженности в социально-экономической жизни страны. Белоруссия нашла возможность осуществить более мягкие и взвешенные преобразования, что позволило ей, избежать большого социального расслоения, отстоять регулиующую роль государства в экономике, обеспечить приемлемый уровень жизни населения. В социальной сфере Белоруссия на фоне России выглядит лучше [2].

Сравнение профиля экономической стратификации российского и белорусского общества показало, что в российском и белорусском обществах происходят диаметрально противоположные процессы: в России

наблюдается тенденция к увеличению высоты экономической пирамиды, т.е. увеличение социальной дифференциации вследствие разницы в денежных доходах различных социальных групп; в Беларуси – тенденция уменьшения этой высоты в процессе выравнивания денежных доходов разных социальных групп населения [11, с. 200-206]. Разница в доходах 10% наиболее богатых граждан Беларуси и 10% наиболее бедных составляет 6 раз. В России по официальным данным наиболее обеспеченные граждане в 16,8 раз богаче малоимущих, по неофициальным в 35 раз.

Россия и Беларусь имеют несколько форм экономической интеграции, которые характеризуются секторальной направленностью. Россия главный поставщик энергетического сырья (порядка 85%), и потребитель белорусской продукции. Беларусь лидер во внешнеторговом обороте России со странами СНГ. Основные противоречия в российско-белорусских отношениях имеют различные подходы к их разрешению, которые в основном экономического характера, но требуют решения политическими методами.

Политические отношения детерминируют культуру повседневности различных социальных групп, повседневный уклад жизни населения. В российско-белорусских взаимоотношениях значимое значение приобрел личностный «президентский» фактор. При обострении отношений, для А.Г. Лукашенко стало характерным переводить экономические проблемы в плоскость политических противоречий. Очевидно, что российско-белорусские отношения развиваются достаточно сложно. Тем не менее, ни Россия, ни Беларусь не отказались от своих союзнических обязательств, прежде всего в оборонной сфере и даже в самые трудные времена российско-белорусских отношений, ни одно соглашение не было пересмотрено. Геополитические и геостратегические интересы России и Белоруссии в принципе совпадают. Менталитет выступает важнейшим фактором фор-

мирования повседневности, оказывает влияния на уклад жизни населения его повседневную культуру.

По мнению В.В. Кириенко: «полиэтнические города Беларуси являлись своеобразными «котлами», «переплавившими» славянские этносы в новое этнонациональное социальное образование. Значительная часть современного городского населения представляет собой полиэтническую и поликультурную конструкцию с переплетениями белорусских, русских, украинских и польских генеалогических и социокультурных корней» [12, с. 3-7]. При официальном двуязычии в Республике Беларусь активно пользуется языком русским, а не белорусским более 80 % населения; на русском языке ведется делопроизводство [7, с. 69]. Ментальный автопортрет современных белорусов определяется в первую очередь социально-духовными и патриархально-традиционными, коллективистскими характеристиками, в меньшей степени – рационально-деятельными, индивидуалистическими ментальными [3, с. 305].

Своеобразие белорусского менталитета проявляется в основательности, расчетливости, осторожности и конкретности его мышления; в исторических традициях, сформировавших у белорусского населения эмоциональную потребность в коллективном осуществлении труда и отрицающие индивидуалистические настроения; в доминировании в трудовом поведении белорусского народа фактора обстоятельств, нежели рационализма и практицизма; в преобладании в сознании белорусов подозрительного отношения к богатству [1, с. 107-109].

Распространенным является представление о том, что для белорусов особенно характерно терпение, можно сказать, оно является доминантой белорусской ментальности. Это действительно так, если терпение понимается как стойкость, твердость и т.д. К сожалению, встречаются и такие интерпретаторы, которые это качество толкуют как покорность, смирение, равнодушие и т.п. [9, с. 91].

И.Е. Шершов о белорусах [10], «От метропольных русских и украинцев их выгодно отличают эмоциональная сдержанность, внутреннее спокойствие, завидное хладнокровие, психическая стойкость... склонность к мере, золотой середине.... Среди отрицательных черт автор выделяет: инертность, нерешительность, недостаточную волевою целеустремленность, боязнь нового, которые являются оборотными сторонами, «антиподами» извечной осмотрительности, осторожности, ретроспективой оглядки.

Различия в менталитете белорусской и российской наций С. Казима [4] связывает с традициями самостоятельной государственности. Россия обладает огромным опытом тесных культурных взаимодействий с Западом на равных, Белорусская же впервые получила самостоятельную государственность лишь в XX веке. Нахождение под мощным воздействием советской культуры со свойственными ей чертами (эгалитаризм; аскетизм; отрицание материальных ценностей и благ; конформизм; интернационализм; коллективизм; консерватизм; идеологизированность; стремление к справедливости; патернализм; жертвенность) отвечало ментальным потребностям белорусской нации, поскольку все указанные компоненты уже являлись органичной частью белорусской культуры.... Особую ценность и важность для белорусов имела справедливость ... Роль лидера (советский период П.М. Машеров, постсоветский А.Г. Лукашенко) в справедливом распределении плодов труда каждого имеет неоценимое для белорусского народа значение. Следует согласиться с автором, что многие из этих аспектов еще присущи и русским, только этим и можно объяснить популярность А.Г. Лукашенко в российской глубинке в 1990-х годах, когда о нем заговорили как о реальном претенденте на российское президентство. Президент Беларуси будит в россиянах ностальгические воспоминания о братстве советских народов, находится в выгодно разительном контрасте с российской элитой, резко оторвавшейся от простых людей.

В качестве интегрального показателя степени адаптированности, выступает социальное самочувствие характеризующее общее внутреннее состояние индивида и социальных групп. Оно формируется в повседневной жизни, и включает отношение к окружающей действительности, оценку условий жизнедеятельности и жизненных перспектив, своего положения в обществе, степень удовлетворенности жизнью.

Ранжирование респондентами наиболее актуальных проблем выделенных С.А. Шавель и Л.П. Галич в своем исследовании выглядит следующим образом. Сопоставление оценок по странам (Россия и Беларусь) показывает, что общественное мнение Беларуси отличается большей напряженностью и экспрессивностью, что влечет за собой преувеличение рисков и опасностей некоторых проблем (алкоголизм, безработица, социальное расслоение, безнравственность, коррупция, плохая экология и т.д.). Россияне же недооценивают опасности ряда проблем. Авторы полагают, что это связано с тем, что меньшие масштабы и численность населения Беларуси повышают плотность связи, социально-психологическую эмпатию, а вместе с тем и восприятие вероятности превращения эвентуальной (абстрактной) возможности в реальную, и как следствие превышение некоторых потенциальных угроз как превентивная мера с психологической точки зрения. Оценки тех же проблем для собственных семей у белорусов ниже в разы. На семейном уровне обоих массивов просматривается тот же перечень актуальных проблем и с той же количественной оценкой их остроты – именно эти проблемы больше всего сказываются на настроении и самочувствии людей. Социальное самочувствие населения Беларуси и России весьма чувствительно к изменениям социально-экономических условий жизнедеятельности [9, с. 76-95].

Представляет интерес в данной связи исследования М.А. Одинцовой и Е.М. Семеновой, в котором рассмотрены преодолевающие стратегии поведения белорусов и россиян [5, с. 75-81]. Большинство респондентов,

сталкиваясь с проблемой, ориентируются на задачу, проводят анализ и разрабатывают различные варианты ее решения. Вместе с тем, белорусы чаще россиян в стрессовых ситуациях прибегают к копинг стрессовой поведенческой стратегии избегания, отвлечение от проблем; склонны погружаться в свою боль, испытывать нервное напряжение и раздражение... Эмоционально когнитивный процесс идентификации себя с жертвой, игровая роль жертвы позволяет белорусам использовать внешние ресурсы и получить определенную материальную либо моральную поддержку со стороны окружения. В поведении белорусов просматриваются рентные установки, которые выражаются в утилитарном подходе к своему бедственному положению, в ощущении себя пострадавшими и беспомощными, нуждающимися в поддержке [6, с. 192-196].

В поведении белорусов игровая роль жертвы выражена ярче, чем у россиян, а у белорусских женщин она закрепляется в модели поведения, образе жизни, в котором они себя довольно комфортно чувствуют, получая внимание, сочувствие, поддержку... По показателям теста жизнестойкости (вовлеченность, контроль, принятие риска) и смысложизненных ориентаций белорусы от россиян значимо не отличаются, у белорусского и российского народов сформированы определенные цели в жизни, ориентированные на будущее [5, с. 75-81].

Анализ Ю. Чернявской [8] относительно образа России и русских, Беларуси и белорусов в Интернет блогах (сетевых дневников) российских и белорусских авторов (возраст от 18 до 30 лет) показал, что белорусы для российских авторов не представляют проблемы или отдельного предмета рефлексии, что нельзя сказать о белорусах, в самосознании которых России уделено гораздо большее значение. Образом «Они», на противопоставлении и (реже) сопоставлении с которым базируется идентичность современного белоруса, являются россияне; образ России устойчиво характеризуется как «имперский»; в сознании молодых белорусов популярно

мнение о преимуществе европейской ориентации, что предполагает отказ от всего славянского, тем самым сложились предпосылки для деславянизации в определении ориентиров; европейский путь воспринимается белорусской аудиторией как будущее, а пророссийский – как прошлое. Акцент на позитивных аспектах общего сосуществования, братства, взаимопомощи и солидарности, характерен для российской аудитории. Россия белорусами воспринимается как тяжелый груз, придавивший историю, культуру и повседневность белорусов. Чаще негативные стереотипы относятся к Москве и москвичам, которым противопоставляется Петербург, опознаваемому как европейский город, более близкий ценностям, менталитету современного белоруса. Белорусы наиболее доброжелательны к полякам и литовцам, которые воспринимаются как посредники между Белоруссией и Западом, а также как пример успешной интеграции в европейское пространство [8].

Приведенный анализ полностью корреспондирует с утверждениями И.А. Чароты, который пишет: «Под воздействием антирусских концепций выросло и воспиталось целое поколение граждан Беларуси, для которых неприемлемыми являются понятия «общерусские корни», «белорусский народ как ветвь русской общности», что стало почти безапелляционно интерпретироваться как свидетельства утраты собственного национального сознания.... Большинство устремлений глобализаторов-европеизаторов как правило, сводится к дискредитации русскости и православия и пропаганде полонизации вкупе с католизацией, что приводит к деформации самосознания белорусов оборачивающейся тотальной дерусификацией [7, с. 69-81].

Согласно данным нашего опроса[13] русского населения Краснодарского края, объединяет русский народ с белорусским историческое прошлое – 64%; культура (ценности, традиции, обычаи) – 45%; общность языка и религии 40 и 38%; родственные связи 38%; безопасность и внеш-

ние угрозы – 28%; славянский характер, менталитет 27%; экономические и политические интересы 17%. В целом, по основным позициям данные по всем категориям (возраст, город/село, пол) идентичны, а наблюдающиеся различия в процентном отношении не значительны. Полностью поддерживают процесс сближения, единения с Белоруссией 60%, частично 24%, скорее не поддерживают 7%, затруднились с ответом 9% респондентов. Можно сказать, в большинстве своем респонденты признают общность славянской линии этногенеза, корней, культуры и традиций русских, белорусов и украинцев.

Процесс интеграции России, Белоруссии, Казахстана в рамках Евразийского экономического Совета поддерживает полностью 43%, частично 28%, не поддерживают 15%, затруднились с ответом 14%; со странами СНГ поддерживают полностью 35%, частично 31%, не поддерживают 20%, затруднились с ответом 14%. Иначе выглядит ситуация в вопросе об интеграции с Евросоюзом, которую поддерживает лишь 23% опрошенных.

Россия обладает огромным опытом культурных взаимоотношений с народами постсоветского пространства, которые находились под мощным воздействием советской культуры со свойственными ей чертами интернационализма, коллективизма и т.д. Парадокс состоит в том, что хотя политическое руководство в 1991 году выступило инициатором раздела СССР, граждане России в большинстве своем этот шаг не поддерживали. Общая ориентация на интеграцию в том или ином виде оказалась очевидной и доминирующей в ответах респондентов.

Итак, экономические и политические отношения выступают важными факторами формирования повседневности русских и белорусов, детерминируют культуру повседневности различных социальных групп. Основные вопросы в современных российско-белорусских отношениях имеют различные подходы к их разрешению, которые в основном экономического

характера, но требуют решения политическими методами. Эти отношения должны носить прогнозно-поисковый характер, при выработке сбалансированной модели поведения устраивающей обе стороны.

Другим важным фактором оказывающим влияние на уклад жизни населения выступает менталитет. Ментальный автопортрет современных белорусов определяется в первую очередь социально-духовными и патриархально-традиционными, коллективистскими характеристиками. Различия в менталитете российской и белорусской наций связаны с традицией самостоятельной государственности. Россия обладает огромным опытом, Белорусская же впервые получила самостоятельную государственность лишь в XX веке. В годы пребывания в рамках СССР оба народа находились под мощным воздействием советской культуры со свойственными ей чертами, которые отвечали ментальным потребностям белорусского и русского народов, поскольку все указанные компоненты уже являлись органичной частью их ментальности. Общественное мнение белорусов в сравнении с русскими отличается большей напряженностью и экспрессивностью, преувеличением рисков и опасностей большинства проблем. Меньшие масштабы и численность населения Беларуси повышают плотность связи, социально-психологическую эмпатию, а вместе с тем и восприятие вероятности превращения абстрактной возможности в реальную. Социальное самочувствие исследуемого населения чувствительно к изменениям социально-экономических условий жизнедеятельности. Смыслоразнозначные ориентации белорусов и русских значительно не отличаются, сформированы определенные цели, ориентированные на будущее. Белорусы для русских не представляют проблемы или отдельного предмета рефлексии, что нельзя сказать о белорусах, в самосознании которых России уделено гораздо большее значение. Образом «Они», на противопоставлении и (реже) сопоставлении с которым базируется идентичность большинства современных молодых белорусов, являются россияне; в сознании молодых белорусов

популярно мнение о преимуществе европейской ориентации, что предполагает отказ от всего славянского; акцент на позитивных аспектах общего сосуществования, характерен для российской аудитории, которая признает общность славянской линии этногенеза, корней, культуры и традиций русских и белорусов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-23-01005 а (м) «Этнокультурные практики в структуре повседневности белорусов и россиян».

Список литературы

1. Злотников А.Г. Менталитет как социальный механизм // Менталитет восточных славян: история, современность, перспективы: материалы межд. науч. конф., Гомель, 27-28 окт. 1999 г. / под ред. В.В. Кириенко. Гомель : ГГТУ им. П.О. Сухого, 1999. С. 107-109.
2. Ковалева Э.В. Российско-белорусские отношения: тенденции развития // автореф. дисс. к.п.н. М., 2010.
3. Кириенко В.В. Белорусская ментальность: истоки, современность, перспективы. Гомель : ГГТУ им. П.О. Сухого. 2009. 305 с.
4. Казима С. Белорусский менталитет в российско-белорусских отношениях//<http://www.promreview.net/moskva/beloruskii-mentalitet-vrossiisko-beloruskikh-otnosheniya>kh (дата обращения 25.10.2016).]
5. Одинцова М.А., Е.М. Семенова. Преодолевающие стратегии поведения белорусов и россиян//Культурно-историческая психология. 2011. №3. С. 75-81.
6. Одинцова М.А. Специфика проявления рентной установки в поведении человека // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 2. С. 192-196.
7. Чарота И.А. Дерусификация как деформация самосознания белорусов// Социология. 2015. №1. С. 69–81.
8. Чернявская Ю. «Заклятые друзья»: к проблеме репрезентации отношений белорусов и россиян в белорусской блогосфере // Неприкосновенный запас. 2010. №3 (71).
9. Шавель С.А., Галич Л.П. Социальное самочувствие населения Беларуси и России: компаративный социологический анализ// Социология (Минск). 2012. №1. С. 76-95.
10. Шершов И.Е. О белорусском национальном характере//<http://repository.buk.by:8080/jspui/bitstream/123456789/584/1/O%20beloruskom%20nacional'nom%20haraktere.pdf> (дата обращения 25.10.2016).
11. Шмаков В.С. Социальные проблемы развития трансформационных процессов в контексте глобализации: Россия – Беларусь // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2008. №2. С. 200-206.
12. Яскевич Я.С. Ценностные ориентиры в университетской среде// Народная асвета. 2014. №2. С.3-7.

13. Исследование русского населения Краснодарского края проводилось в период с июня по сентябрь 2016 года, методом анкетирования (N–1300).

References

1. Zlotnikov A.G. Mentalitet kak social'nyj mehanizm // Mentalitet vostochnyh slavjan: istorija, sovremennost', perspektivy: materialy mezhd. nauch. konf., Gomel', 27-28 okt. 1999 g. / pod red. V.V. Kirienko. Gomel' : GGTU im. P.O. Suhogo, 1999. S. 107-109.
2. Kovaleva Je.V. Rossijsko-belorusskie otnoshenija: tendencii razvitija // avtoref. diss. k.p.n. M., 2010.
3. Kirienko V.V. Belorusskaja mental'nost': istoki, sovremennost', perspektivy. Gomel' : GGTU im. P.O. Suhogo. 2009. 305 s.
4. Kazima S. Belorusskij mentalitet v rossijsko-belorusskikh otnoshenijah//<http://www.promreview.net/moskva/belorusskii-mentalitet-vrossiisko-belorusskikh-otnosheniyakh> (data obrashhenija 25.10.2016).]
5. Odincova M.A., E.M. Semenova. Preodolevajushhie strategii povedenija belorusov i rossijan//Kul'turno-istoricheskaja psihologija. 2011. №3. S. 75-81.
6. Odincova M.A. Specifika projavlenija rentnoj ustanovki v povedenii cheloveka // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2010. № 2. S. 192-196.
7. Charota I.A. Derusifikacija kak deformacija samosoznaniya belorusov// Sociologija. 2015. №1. S. 69–81.
8. Chernjavskaja Ju. «Zakljatye druž'ja»: k probleme reprezentacii otnoshenij belorusov i rossijan v belorusskoj blogosfere // Neprikosnovennyj zapas. 2010. №3 (71).
9. Shavel' S.A., Galich L.P. Social'noe samochuvstvie naselenija Belarusi i Rossii: komparativnyj sociologicheskij analiz// Sociologija (Minsk). 2012. №1. S. 76-95.
10. Shershov I.E. O belorusskom nacional'nom haraktere//<http://repository.buk.by:8080/jspui/bitstream/123456789/584/1/O%20belorusskom%20nacional'nom%20haraktere.pdf> (data obrashhenija 25.10.2016).
11. Shmakov V.S. Social'nye problemy razvitija transformacionnyh processov v kontekste globalizacii: Rossija – Belarus' // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija. 2008. №2. S. 200-206.
12. Jaskevich Ja.S. Cennostnye orientiry v universitetskoj srede// Narodnaja asveta. 2014. №2. S.3-7.
13. Issledovanie russkogo naselenija Krasnodarskogo kraja provodilos' v period s ijunja po sentjabr' 2016 goda, metodom anketirovanija (N–1300).